

ТЕМА НЕДЕЛИ:

Новое социальное многообразие

СУТЬ ДЕЛА

- Славой Жижек. с.2—4

ЯРОСЛАВЛЬ—2011 с.5

ГРЯДУЩАЯ НЕТОКРАТИЯ

- Александр Бард. с.6
- Ольга Крыштановская. с.7
- Рауль Кьеца. с.8
- Джон Болтон. с.9

ВЗБУНТОВАВШЕЕСЯ МНОЖЕСТВО

- Джин Шарп. с.10
- Захар Прилепин. с.10
- Борис Кагарлицкий. с.12
- Джек Голдстоун. с.13

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА

- Максим Шевченко. с.14
- Иэн Лессер. с.15
- Фред Бертон. с.12
- Сергей Марков. с.17

В ОЖИДАНИИ ОППОЗИЦИИ

- Максим Кононенко. с.18
- Евгения Чирикова. с.18
- Герхард Манготт. с.19
- Дэвид Уайт. с.20
- Бен Жуда. с.21

ПОЗИЦИЯ

- Ульрих Бек. с.22-23

КНИЖНЫЙ КЛУБ

- Норберт Больц. с.24

Главный редактор
Глеб Павловский

Шеф-редактор
Александр Павлов

Адрес редакции
125009 Москва
М. Гнезниковский пер., д. 9/8 стр. 3
Тел.: (495)629-8993
Факс: (495)629-52-97
e-mail: info@russ.ru

Захар Прилепин: ПСЫ С ГОРОДСКИХ ОКРАИН

На Манежную площадь вышли футбольные фанаты. И важно понимать, почему они вышли. Они борются против бюрократии. Ведь бюрократия всегда нацелена на сохранение своего положения, но не на разрешение проблем, от которых зависит само существование социума.

Александр Бард: МИРОМ БУДУТ ПРАВИТЬ СЕТЕВИКИ

Мы прощаемся с миром, в котором людям диктовали условия, и вступаем в новую эру, где к людям нужно прислушиваться и взаимодействовать с ними. Именно поэтому диктаторы всего мира ненавидят Интернет, пытаются поставить его под свой контроль.

Славой Жижек: «ВИКИЛИКС», или КОГДА СРЫВАТЬ МАСКИ — НАШ ДОЛГ

Мы столкнулись с беззастенчивым цинизмом существующего мирового порядка, действующие лица которого только воображают, что верят в свои представления о демократии, правах человека и так далее. В такие моменты стоит рискнуть и спровоцировать разрушение фасада.

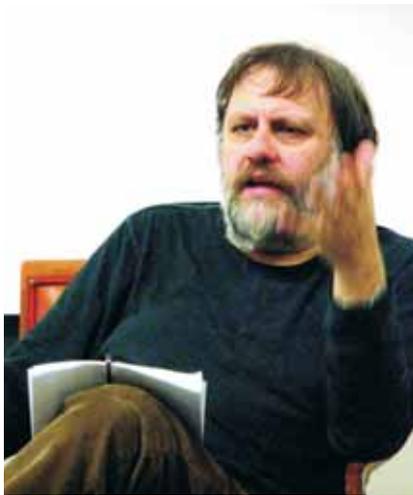
Евгения Чирикова: НАЧНЕТСЯ БУРЛЕНИЕ

Экономика ресурса, если проводить аналогию, напоминает проституцию. Проституцией может заниматься каждый. Наше государство подобно несчастным девочкам, выбравшим «легкий путь». Вместо того, чтобы зарабатывать головой, мы зарабатываем ресурсами.

«Викиликс», или КОГДА СРЫВАТЬ МАСКИ — НАШ ДОЛГ

Славой Жижек

Славой Жижек — словенский философ и теоретик культуры, живет и работает в Любляне (Словения), президент люблянского Общества теоретического психоанализа и Института социальных исследований. Европейскую известность ему принесли работы «Все, что вы хотели знать о Лакане, но боялись спросить у Хичкока» (1982), «Существование с негативом» (1993), «Возлюби свой симптом» (1992), «13 опытов о Ленине» (2002), «Ирак: история про чайник» (2004), «Паралаксное видение» (2006), «В защиту проигранных дел» (2008), «Размышления в красном свете» (2010)

Как именно нам следует оценивать борьбу «Викиликс» и американской империи. Публикует ли «Викиликс» государственные секреты США, чтобы поддержать свободу информации и право людей знать правду? Или это теракт, представляющий угрозу стабильности информационных отношений? А что если это не настоящая борьба? Что если решающая идеологическая и политическая битва развернулась внутри самого

«Викиликс»: между радикальным шагом по публикации государственных секретов и тем, как этот шаг был заново вписан в гегемонистское идеолого-политическое поле в том числе и самим «Викиликсом».

Окончательная победа господствующей идеологии наступает тогда, когда она может позволить себе безжалостную самокритику (или ее видимость). Антикапиталистических движений нынче пруд пруди, более того, мы также видим, как со всех сторон нам живописуют ужасы капитализма: книги, газетные расследования и телепередачи клеймят компании, безжалостно загрязняющие окружающую среду, коррумпированных банкиров, которые продолжают получать жирные откаты, в то время как их банки выживают только за счет господдержки, жестокие предприятия, которые эксплуатируют детский труд и так далее.

Однако в этом потоке информации есть один нюанс: **критики (даже самые беспощадные), как правило, не ставят под сомнение демократически-либеральные основания борьбы с этими перегибами.** Их (явная или скрытая) цель — демократизировать капитализм, распространить демократический контроль на сферу экономики с помощью общественных СМИ, парламентских проверок, более жестких законов, честных полицейских расследований и тому подобное. Но при этом никто не усомнится в демократичности основания (буржуазного) правового государства. Оно остается священной коровой, которую не смеют тронуть даже самые радикальные формы этого «этического анти-капитализма» (форум в Порту-Алегре, сизеттское движение). А вопрос вот в чем: можно ли свести к этому «Викиликс»?

Ответ, разумеется, отрицатель-

ный: **в деятельности «Викиликс» с самого начала было нечто, что ушло далеко за рамки либерального вопроса о свободном потоке информации.** Не следует смотреть на эту крайность с точки зрения содержания. Единственное, что по-настоящему удивляет в разоблачениях «Викиликс» — это то, что ничего удивительного в них нет: разве мы узнали не *в точности* то, что ожидали? Всего-навсего были сорваны маски: мы больше не можем притворяться, что не знаем чего-то, когда все знают, что мы это знаем. Таков парадокс социального пространства: даже если некий факт известен всем, сказать о нем вслух — значит, все изменить. Если мы задумаемся о предшественниках «Викиликс», нам следует вспомнить, что одним из первых шагов нового большевистского правительства в 1918 году было широкое обнародование всех секретов царской дипломатии, всех тайных соглашений, всех тайных подпунктов общедоступных документов. Тогда, как и сейчас, удар наносился не только по упомянутым в этих документах, но и по всему госаппарату.

«Викиликс» на самом деле угрожает формальному режиму работы власти: глубинная логика дипломатической деятельности была в некотором смысле делегитимизирована. Истинный план был не в разоблачении грязных подробностей и конкретных виновников (которых, уж если на то пошло, со временем заменят другие) или, короче говоря, власть имущих, а власти как таковой, ее структуры. Не следует забывать, что власть включает в себя не только свои институты и законы, но также законные («обычные») способы спорить с

1. Giri S. Wikileaks Beyond Wikileaks — http://www.metamute.org/en/articles/wikileaks_beyond_wikileaks

ней (через независимую прессу, НПО и тому подобное). И, как точно сформулировал Сарой Гирри, активисты «Викиликс» «*бросили вызов власти, бросив вызов тем каналам, через которые обычно бросают вызов власти и раскрывают правду*»¹.

Разоблачения «Викиликс» не адресованы нам, гражданам, как неудовлетворенным личностям, изголодавшимся по грязным тайнам того, что творится за закрытыми дверями в коридорах власти. Их цель — не просто смутить власть имущих. **Разоблачения «Викиликс» приносят с собой призыв мобилизоваться на долгую борьбу за изменение функционирования власти, которое выходит далеко за границы представительной демократии.** Уолтер Липман, икона американской журналистики XX века, сыграл ключевую роль в самоосознании американской демократии. Он сформулировал концепцию «производства согласия», позднее приобретшую известность благодаря Науму Хомскому, однако у Липмана она имела положительный смысл. Для него, как и для Платона, общество было большим зверем или растерянным стадом; этим стадом должен управлять «специальный класс, чьи интересы не ограничиваются своими узкими классовыми интересами».

В словах Липмана нет ничего нового, одни очевидные факты. Загадка в другом: отчего, зная все это, мы продолжаем участвовать в игре. Мы живем так, как будто мы свободно и самостоятельно принимаем решения, не просто молчаливо принимая, но даже *требуя*, чтобы незримый приказ (вписанный в саму форму нашей свободы слова) подсказала нам, что делать и думать.

В этом смысле в демократической стране **каждый обычный гражданин, по сути, король, но король в рамках конституционной демократии, король, который принимает решения лишь формально, чье дело — подписывать меры, предложенные исполнительной властью.** Вот почему проблема демократических ритуалов родственна главной проблеме конституционной демократии: как

защитить достоинство короля? Как поддерживать видимость того, что король сам принимает решения, когда мы все прекрасно понимаем, что это не так?

То, что мы называем «кризисом демократии», случается не тогда, когда люди перестают верить в собственные силы, но, напротив, когда они перестают доверять элитам, тем, кому положено думать за них и выдавать директивы, когда они обеспокоены тем, что «(подлинный) трон пуст», что решения теперь *действительно* принимать им самим. Так в «свободных выборах» всегда есть момент вежливости: власть имущие из вежливости делают вид, что они не держат власть в своих руках, и предлагают нам самостоятельно решить, хотим ли мы отдать ее им — в этом есть зеркальное повторение жеста, не предполагающего согласие.

Ален Бадью предложил разделять коррупцию в демократии на два типа (или скорее уровня): фактическая эмпирическая коррупция и коррупция, которая связана с самой формой демократии, сводящей политику к балансированию между частными интересами. Разрыв между ними становится заметен в (к сожалению, редких) случаях, когда появляется честный «демократический» политик, который, сражаясь с эмпирической коррупцией, тем не менее, защищает формальную вотчину коррупции. (Безусловно, имеет место и противоположный случай эмпирически коррумпированного политика, который действует от имени диктатуры добродетели). В терминах Беньямина, различающего учрежденное и учреждающее насилие, это различие между «учрежденной» коррупцией (то есть эмпирическими примерами нарушения закона) и «учреждающей» коррупцией самой демократической формы правления.

Разоблачения «Викиликс» направлены не только на «учрежденную» коррупцию. По-настоящему они угрожают «учреждающей» коррупции, вписанной в саму форму многопартийной либеральной демократии, «представляющей» четкий взгляд на

общественную жизнь, в которой политика строится из партий; эти партии состязаются на выборах за место в законодательном и исполнительном аппарате и так далее. Тут не следует забывать о том, что эта «абстрактная рамка» никогда не бывает нейтральной; она отдает предпочтение определенным ценностям и методам.

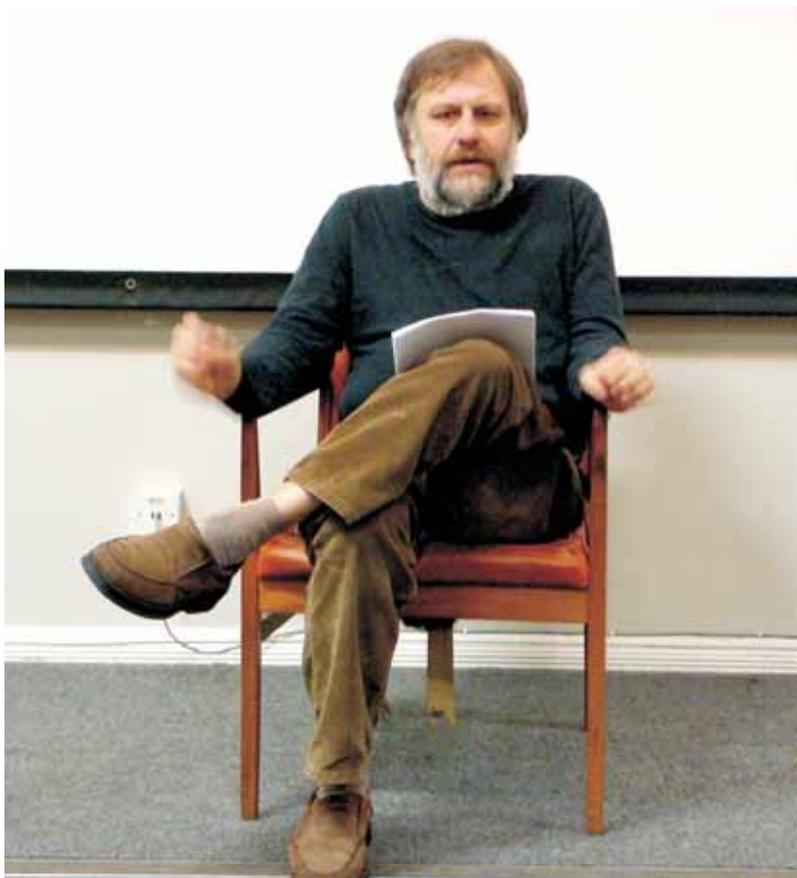
И это отсутствие нейтральности становится заметным во время кризиса или аполитичности, когда мы наблюдаем, как демократическая система не может определить, что на самом деле думают или хотят люди. Признак такой неспособности — аномальные феномены, наподобие выборов в Соединенном Королевстве в 2005 году: несмотря на спад популярности Тони Блэра (в рейтингах самых непопулярных людей в Королевстве он неизменно занимал первые строчки), это недовольство Блэром никак не могло найти политически правильное выражение. Что-то было явно не так. И дело было не в том, что «люди не знали, чего хотят», а скорее в том, что циничная покорность не позволила им действовать сообразно своим желаниям, а в результате получился странный разрыв между тем, что люди думают, и тем, что делают (то есть как голосуют). А ведь еще Платон, критикуя демократию, полностью осознавал этот второй вид коррупции. И эта же критика хорошо видна в том, как якобинцы отдают предпочтение добродетели: в демократии в смысле представления многообразия отдельных интересов и согласия между ними, для добродетели места не найдется.

Нет причин презирать демократические выборы. Но важно понимать, что не существует показателя Истины как такого — как правило, он отражает преобладающую *доксу (общественное мнение)*, определяемую господствующей идеологией. Возьмем пример, с которым точно не будет разночтений: Франция в 1940 году. Даже Жак Дюкло, второй человек в Коммунистической Партии Франции, признавал в личной беседе, что в тот момент маршал Петен получил бы девять

носто процентов голосов, если бы в стране проводились свободные выборы. Когда де Голль совершил исторический поступок, отказавшись признать капитуляцию Франции и продолжив сопротивление, и заявил, что только он, а не режим Виши, говорит от имени настоящей Франции (от имени настоящей Франции как таковой, а не от имени «большинства французов!»), он говорил абсолютную правду, даже несмотря на то, что с «демократической точки зрения» это было мало того, что нелегитимно, но еще и шло вразрез с мнением большинства французов... Демократические выборы, отражающие Истину, все-таки *возможны* — это такие выборы, на которых (несмотря на скептически-циничную инерцию) большинство мгновенно «пробуждается от спячки» и голосует против господствующего идеологического мнения. Однако сам по себе **исключительный статус таких неожиданных результатов на выборах подтверждает, что выборы как таковые — это не средство отображения Истины.**

И все-таки есть контраргумент, силу которого не стоит перенедооценивать (как выразился Президент Буш). Нельзя думать, что, раскрыв всю тайную правду событий, происходящих за закрытыми дверями, все грязные подробности личной жизни и тому подобное, мы станем свободными. Истина освобождает, это действительно так, но не ЛЮБАЯ истина. Безусловно, не следует доверять фасаду обнародованных документов. Но также не стоит доверять и грязным подробностям личной жизни или изъяснам, которые стоят за официальным фасадом. Внешность, маска, носимая на публике, это не просто лицемерие, скрывающее грязные подробности. Эдгар Доктору как-то заметил, что внешность — это все, что у нас есть, поэтому и относится к ней надо очень осторожно. Нередко, уничтожив внешность, человек разрушает и то, что стояло за ней.

Однако все же данным контраргументом не следует злоупотреблять. **Бывают такие моменты**

— во времена кризиса господствующего дискурса, — когда стоит рискнуть и спровоцировать разрушение фасада. Один из таких моментов прекрасно описал молодой Маркс еще в 1843 году, когда в своей работе «К критике гегелевской философии права. Введение» распознает в упадке старого порядка в Германии в тридцатых — сороковых годах XIX века фарсовую репетицию трагического падения древнего режима во Франции: этот режим был трагичен «пока старый порядок сам верил, и должен был верить, в свою правомерность». Теперь же режим «лишь воображает, что верит в себя, и требует от мира, чтобы и тот воображал это. Если бы он действительно верил в свою собственную *сущность*, разве он стал бы ... искать своего спасения в лицемерии и софизмах? Современный *ancien regime* — скорее лишь *комедиант* такого миропорядка, *действительные герои* которого уже умерли»². В подобных ситуациях возможность опозорить власть имущих становится грозным оружием, или, как дальше пишет Маркс: «Сделать действительный гнет еще более гнетущим, присоеди-

няя к нему сознание гнета; позор — еще более позорным, разглашая его».

Именно так и выглядит наша сегодняшняя ситуация: **мы столкнулись с беззащитным цинизмом существующего мирового порядка, действующие лица которого только воображают, что верят в свои представления о демократии, правах человека и так далее.** И с помощью действий, подобных разоблачениям «Викиликс», позор (наш позор за то, что мы терпим власть над собой) становится еще более сильным оттого, что он обнародован. Когда Соединенные Штаты вторгаются в Ирак, чтобы принести секулярную демократию, а в результате получают усиление религиозных фундаменталистов и окрепший Иран, это вовсе не трагическая оплошность чистого душою героя, а расчет циничного плута, попавшего в ловушку собственной игры. ■

Специально для Ярославской инициативы

2. См. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение — http://krotov.info/libr_min/m/maistr/marx.html

В сентябре 2011 года в Ярославле состоится очередной Мировой политический форум. Редакция ньюслеттера предлагает вниманию читателей мнения наших авторов (и, возможно, будущих участников) относительно тех тем и сюжетов, которые им было бы интересно обсудить на предстоящем форуме.

АЛЕКСАНДР БАРД

Мне кажется, что великолепной темой для дискуссий в Ярославле стало бы использование Интернета для борьбы с коррупцией.

Сегодня все страны мира в той или иной степени коррумпированы, однако, используя современные веб-камеры и смартфоны, которые в наши дни широко доступны, граждане могли бы изобличать коррупцию. В этом случае экономический рост достигался бы гораздо быстрее, богатства накапливались бы гораздо активнее, а свобода и справедливость достигли бы небывалых высот. **Никогда ранее в истории у людей не было такого замечательного инструмента для борьбы с коррупцией, как Интернет.**

Несомненно то, что страны, в которых Интернет активнее всего используется для борьбы с коррупцией, также получают выгоду от развития более сильной нетократической элиты. В наиболее выгодном положении окажутся страны, которые перестанут опасаться таких явлений, как «Викиликс», первыми сделав их частью своей политической и экономической системы. Нужно не бороться с ветром перемен, а использовать его для движения вперед нашего корабля политического и экономического развития!

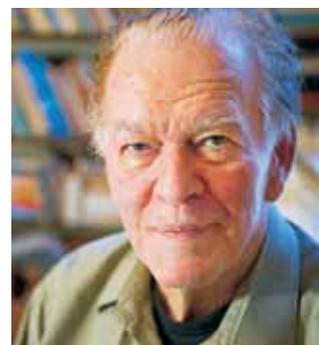

ДЖИН ШАРП

Я предлагаю обсудить следующие проблемы. Как покончить с системной притеснения и диктатуры без хаоса и массового насилия? Как сохранить и расширить демократические черты в

современных политических обществах? Как избавиться от общественных притеснений и как содействовать социальной справедливости без концентрации политической власти и усиления центрального правительства? Как сохранить мелкие национальные общества под напором централизации и индустриализации?

Что касается тем и мероприятий, заслуживающих внимания и обсуждения на Ярославском форуме, я предложил бы включить в повестку следующие вопросы: **как усиление политической и экономической централизации может быть повернуто вспять; как в ходе серьезных внутренних конфликтов заменить насилие и хаос на дисциплинированную «власть народа»; как в международных конфликтах вооруженные силы заменить на средства защиты и сдерживания, не несущие смерть.**

ГЕРХАРД МАНГОТТ

Я считаю, что чрезвычайно важным будет обсуждение различных возможностей подотчетности правительства и прозрачности процесса принятия решений в государственных органах. Кроме того, необходимо выяснить, какими законными органами должны гарантироваться подотчетность и прозрачность государственных институтов власти. Нужно обсудить, **какими средствами можно максимально конструктивно бороться с дестабилизирующими тенденциями, которые, вероятно, возникнут в результате постепенной политической либерализации.** Более того, необходимо усилить реактивность политической элиты. А самое важное — выяснить, как достичь этих целей в приемлемые сроки.

ДЖОН БОЛТОН

Мне кажется, что самая важная дискуссионная проблема, которая стоит перед современным миром, **это проблема распространения оружия массового поражения — ядерного, химического и биологического.** Сдается, что угроза распространения такого оружия возрастает с каждым днем. Оружие массового поражения уже имеется у Северной Кореи, им могут в ближайшем будущем обзавестись Иран и другие государства, такие как Бирма и Венесуэла, поэтому я очень обеспокоен этой проблемой. Помимо всего прочего, оружие массового поражения может оказаться в руках у террористов, что сделает их еще более серьезной угрозой для всего человечества.

МИРОМ БУДУТ ПРАВИТЬ СЕТЕВИКИ

Александр Бард

Александр Бард — социолог, художник и композитор. Известен благодаря участию в группах «Армия любителей», «Вакуум», «В.В.О.», а также новому музыкальному проекту «Гравитонас» (www.gravitonas.net).

Автор нашумевшей книги «Нетократия» (в соавторстве с Яном Содерквистом, 2002)

■ *В современном мире возникает новая элита, которая оправдывает свой статус владением новыми коммуникационными технологиями. Меняет ли новая «нетократия» саму природу элит и их конфигурацию?*

Новая элита, нетократия, — это совершенно новый класс, аналогов которому в истории нет. Нетократы — люди, чьи способности совершенно четко соответствуют требованиям нового интернет-времени: они социально подкованы и опытные, они настоящие эксперты в сфере социального сетевого общения и знают, как побеждать в онлайн-пространстве. Нетократы по своей сути плюралистичны и толерантны — эти качества нужны им для достижения успеха в быстро расширяющемся, глобальном и прозрачном онлайн-пространстве. Виртуальная реальность стала нашей новой реальностью, прежняя

физическая реальность подчиняется законам виртуальной интернет-реальности. **Отныне и впредь миром будут править социальные сетевики.**

■ *Новые коммуникационные технологии приводят к двум встречным процессам: с одной стороны, новые технологии способствуют большей информационной открытости, они могут служить средством эмансипации масс, с другой — это прекрасный инструмент для манипулирования массами и демократическими процедурами. На ваш взгляд, какой из этих двух процессов преобладает?*

Невозможно манипулировать массами, используя онлайн-инструменты. Манипуляция массами останется, как и прежде, прерогативой старых СМИ — газет, радио и телевидения. Однако манипулировать массами с помощью Интернета невозможно, потому что человек, которого не услышат в Сети на одном сайте, просто уйдет на другой. **Мы прощаемся с миром, в котором людям диктовали условия, и вступаем в новую эру, когда к людям нужно прислушиваться и взаимодействовать с ними.** Именно поэтому диктаторы всего мира ненавидят Интернет, пытаются ввести в нем цензуру и поставить его под свой контроль. Но в итоге у них все равно ничего не получится. Интернет заставит людей принять более прозрачные и более демократичные правила игры.

■ *Наблюдатели по-разному оценивают поступки «сетевых разоблачителей», например «Викиликса». Если речь идет о преступлении, как его следует наказывать? Если это подвиг, как его стоит награждать?*

«Викиликс» работает как классическая газета. Так же, как нельзя наказывать газету или радиостанцию за то, что они говорят правду, нельзя наказывать за это и «Викиликс». Конечно же, правительства и крупные корпорации постара-

ются найти и наказать своих сотрудников, ставших источниками утечек. Но сделать это будет чрезвычайно сложно. Вскоре у нас будут работать сотни различных организаций, похожих на «Викиликс», и они продолжат разоблачать секреты, которые раньше утаивали от граждан власти и бизнесмены. Нужно понять, что «Викиликс» — это нетократический феномен, что Джулиан Ассанж по своей сути нетократ и что **люди, против которых борется «Викиликс», — это коррумпированные политики, дипломаты, корпорации и т.д., то есть старая буржуазия,** которая, как я предсказал уже десять лет назад, в итоге уступит власть новой, развивающейся форме правления — нетократии. Именно это и происходит сегодня — драматический переход власти от буржуазии к нетократии.

■ *В отличие от прошлых случаев подлинность опубликованных в Сети документов никто не оспаривает. Как будет выстраиваться схема защиты против подобных скандалов? Они будут замалчиваться или станут занижаться ценность озвученных фактов? Или как-то еще?*

Единственная причина, по которой различные государства сегодня не отрицают достоверность опубликованных «Викиликс» документов, именно в том, что они не могут ее опровергнуть. Возможно, они хотели бы этого, но у них ничего не получается, потому что достоверность этих документов слишком очевидна. Опять-таки именно поэтому нетократы и одерживают верх над буржуазией — правда на их стороне, правду больше не получается спрятать. Ее уже нельзя диктовать на собственное усмотрение. Теперь уже сами граждане, избиратели, потребители — *люди!* — принимают решение о том, что правдиво, а что — нет. ■

Беседовала Юлия Нетесова

ВИКИ-ДЕМОКРАТЫ

Ольга Крыштановская

Ольга Крыштановская — российский социолог, доктор наук. Руководит сектором изучения элит в Институте социологии РАН.

На наших глазах происходит возрождение прямой демократии, которая многие столетия была забытой. Как только пространственно собрать людей на одной площади стало невозможно, прямая демократия исчезла. Технологически оказалась необходима представительная демократия. Сейчас, конечно, она тоже необходима, и, без сомнения, она продолжит существовать. Поэтому сохранение и развитие традиционных форм демократии, скажем парламентаризма, остается важной задачей. Однако самые интересные процессы происходят сейчас в другой области. Интернетом в России пользуется около 50 миллионов человек, наша страна занимает третье место в мире по количеству людей в социальных сетях. Эта новая связанность создает уникальные возможности для граждан, желающих влиять на политический процесс.

Пока что в обществе не происходит осмысления этих процессов, но растет практическая их применимость: новый мэр Москвы Сергей Собянин на сайте предоставил

людям возможность вносить свои предложения по улучшению ситуации с пробками. В расследовании дела избитого журналиста Олега Кашина, по-моему, впервые прокуратура обращается к населению за помощью. Премьер-министр и президент открыто общаются с народом, и после этого принимаются какие-то решения. Люди задают вопросы, постоянно действуют голосования в Интернете. Возникает масса мелких инструментов для того, чтобы активная часть населения оказывала влияние на политический процесс и на принятие решений.

В какой-то степени это означает возникновение новой элиты. Меняется тип лидерства. Если раньше партийным лидером был человек, которому приходилось физически ездить по стране, пожимать тысячи рук, выступать на встречах с избирателями и так далее, то сейчас лидеры многих партий все больше и больше превращаются в виртуальные фигуры. Возникают новые влиятельные лидеры, которых никто никогда не видел, например Навальный и другие известные блогеры, у которых тысячи, если не миллионы сторонников. Алексей Навальный победил в электронном голосовании на тему, кого люди хотели бы видеть мэром Москвы. За него отданы десятки тысяч голосов. Такие лидеры не связаны ни с телевидением, ни с физическим участием в массовых мероприятиях.

Процессы формирования этого виртуального сообщества еще предстоит осмыслить в полной мере. Но уже сейчас можно предположить, что эти виртуальные лидеры, или лидеры сетевого общества, станут мостиком, который соединит народ, граждан страны и истеблишмент, действующую элиту. Можно сказать, что это тоже вид представительной демократии. Но суть Интернета в том, что каждый может стать таким лидером. Я называю это «викидемократией»,

потому что принцип викидвижения, которое существует и в России: «Кто хочет, тот может». Для того чтобы стать лидером, не требуются связи, деньги — ничего, кроме личностных характеристик, харизмы. Активность становится самым востребованным качеством для формирования этой новой элиты.

Происходит формирование сетевого общества. Грубо говоря, у нас есть 100 миллионов активных граждан, между ними устанавливаются множественные горизонтальные связи. Вся страна оказывается выстроена не по вертикали (от каждого простого человека к вершине, к президенту в Кремль), возникает множество горизонтальных связей.

Политические проблемы спускаются от дуализма «свои — чужие» на уровень повседневной жизни, в решение каких-то конкретных задач. Политическое поле дифференцируется. Усложняется не взаимодействие элит и социума, но сама политика, потому что она дифференцируется на миллионы мелких задач. Это, конечно, путь к оздоровлению, потому что в такой политической системе жизнь более устойчива. В странах «старой демократии» оказывается, по сути, не важно, придут ли к власти консерваторы или лейбористы, демократы или республиканцы: общий курс страны останется неизменным. Это не революция — красные победили, белых повесили на столбах. Нет этой жуткой драмы выборов. **Ситуация, когда выборы носят драматический характер, как это было, например, при Ельцине, сейчас невозможна.** Общество перестало дихотомически делиться. Политика уже не альтернативна, «или — или», политика действительно стала более сложной из-за возникновения «сетевого общества». И это признаки оздоровления. ■

Специально для Ярославской инициативы

РЕВОЛЮЦИЯ «ВИКИЛИКС»

Рауль Кьеза

РАУЛЬ КЬЕЗА — известный европейский специалист по информационной безопасности. В 1990-е годы входил в число первых итальянских хакеров, однако затем перешел к консультированию по вопросам безопасности, создав свою компанию Mediaservice.net. Один из основателей CLUSIT — Итальянской ассоциации информационной безопасности.

С 2003 года Кьеза сотрудничает с агентством UNICRI (Исследовательский институт межрегиональных преступлений и справедливости при ООН) под эгидой ООН

■ *Технические возможности для существования таких систем, как «Викиликс», не новы. Почему это явление возникло лишь сейчас? Что изменилось с того момента, когда блоги стали политическим явлением?*

На самом деле «Викиликс» существует уже несколько лет. Думаю, сейчас этот сайт достиг своего апогея, наивысшей точки внимания к его проектам и идеям. В основном такая известность пришла к сайту за счет очень пристального внимания к нему со

стороны международной прессы. Атаки на различные сайты, которые инициировались «от имени» Джулиана Ассанжа, также получили огромное внимание со стороны прессы, вызвав еще больше слухов и догадок. Думаю, все эти факторы в итоге и способствовали огромной популярности «Викиликс».

■ *Дипломаты всего мира солидарно отказались от возможности использовать материалы «Викиликс» в своих интересах. На политическую повестку они не оказали влияния. А на что, собственно, этот скандал повлиял? Произошел ли некий переворот?*

Нельзя утверждать, что после публикации этих материалов в мире не произошло никаких изменений. Мне кажется, слишком рано говорить о возможных последствиях. При этом **я не думаю, что публикация этих дипломатических депеш быстро изменит положение дел на мировой арене.** Правительства полагаются на бизнес больше, чем на дипломатические отношения. Вежливая улыбка и умение выходить из непростых ситуаций составляют основу дипломатии. Я имею в виду, что это уже далеко не первый случай, когда сотрудники госаппарата той или иной страны отрицательно отзывались о другом государстве. Несмотря на это, экономические отношения между США и другими странами продолжают развиваться. **Публикация этих депеш повлияла на разделение обязанностей и на доступ к информации по служебной необходимости, на так называемый принцип «надо знать».**

дипломатическом уровне и на уровне спецслужб. Вследствие этого такая деятельность была расширена, и проект Джулиана продемонстрировал нам, что обмен информацией после 9/11 стал, пожалуй, даже чересчур активным.

■ *Означает ли феномен «Викиликс», что государства утрачивают монополию на контроль над той информацией, которую они предоставляют обществу? Является ли «Викиликс» переходом к новой эре открытости, когда уже невозможно вести «двойную игру» и держать некоторые договоренности или факты в тайне?*

Отвечая на первый вопрос, могу сказать, что мне так не кажется. На самом деле в этих депешах не содержалось ничего «удивительного», то есть в них содержалась информация, которую мы привыкли получать из обычных СМИ, как национальных, так и международных. На ваш второй вопрос я ответил бы утвердительно. «Викиликс» требует прозрачности в международных отношениях, и, судя по всему, **отныне государствам будет труднее хранить секреты. По крайней мере, тем из них, где граждане имеют открытый доступ к Интернету.** Мне кажется, в странах, где Интернет не очень развит или ограничен, воздействие феномена «Викиликс» окажется гораздо менее ощутимым.

■ *Существуют ли технические средства, способные защитить нас от этой излишней открытости, когда любые тайны — как личные, так и государственные — оказываются*

«Викиликс» — это такое же грандиозное событие XXI века, как «революция Гутенберга»

После трагедии 11 сентября Вашингтон признал, что Соединенные Штаты недостаточно плотно общаются с другими странами на

ются доступными абсолютно любому человеку, обладающему определенными техническими навыками?

Да, существуют такие решения, как защита от потери данных (DLP). Этот стандарт не случайно стал очень популярным после скандала в банковской системе Лихтенштейна. С другой стороны, так же верно и то, что **никакая технология никогда не сможет полностью остановить утечки информации**, особенно если этим будут заниматься лица, работающие внутри организации или компании, из которой происходит утечка.

■ *В современном мире возникает новая элита, которая оправдывает свой статус владением новыми коммуникационными технологиями. Меняет ли новая «нетократия» саму природу элит и их конфигурацию?*

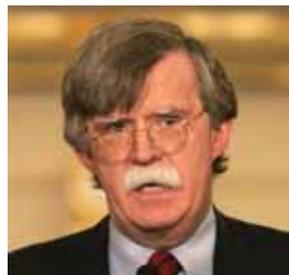
Я думаю, на данный вопрос следует ответить утвердительно. Разрешите привести один очень простой пример. Еще не так давно компьютерщиков называли «ботаниками». Сегодня же в ходу такие «уважительные» термины, как «системный программист», «хакер» и так далее. Это происходит потому, что изменилась сама концепция «власти». Сегодня **власть и информация — одно единое целое**. «Ботаники» знают, как получить доступ к информации и как ею манипулировать. Появление Интернета и социальных сетей привело ко многим изменениям. Насколько я могу судить, сегодня многим девушкам нравятся молодые программисты, которых раньше они презрительно называли «ботаниками». Изменился баланс власти, изменилось и общественное мнение. Появился и новый вид преступности — киберпреступность. Уже существуют новые экономические элиты, которые сколотили свои капиталы на подобных преступлениях. Таким образом, стандарты «старой школы» меняются, на арене появляются совершенно новые, ранее никому не известные игроки.

■ *Современные коммуникационные технологии приводят к двум встречным процессам: с одной стороны, они способствуют большей информационной открытости и могут служить средством эмансипации масс, с другой — это прекрасный инструмент для манипулирования массами и демократическими процедурами. На ваш взгляд, какой из этих двух процессов преобладает?*

Мне кажется, преобладает первый процесс. Однако риск того, что все эти новые технологии будут использованы для манипуляции массовым сознанием, достаточно велик. Это еще одна причина, почему я сторонник Джулиана Ассанжа. Правительства манипулировали информацией в течение веков, разве не так? Затем Гутенберг изобрел концепцию «свободной прессы», отняв у элиты ее особую власть, привнес культуру в массы. Культура позволила этим массам развиваться, увеличить свой потенциал и улучшить качество жизни. Возможно, **«Викиликс» — это такое же грандиозное событие XXI века, как «революция Гутенберга» для XV**. Я лично надеюсь на это. ■

Беседовала Юлия Нетесова

ИНТЕРНЕТ-ПРЕСТУПНИКИ

ДЖОН БОЛТОН — американский политический деятель, дипломат. В 2005–2006 годах — посол США в ООН. В настоящее время — старший научный сотрудник Американского института предпринимательства
Специально для Ярославской инициативы

По законам США распространение секретной информации — это преступление. Любой сотрудник государственных органов США, замешанный в распространении секретной информации, должен ответить перед законом. Что же касается того, подпадает ли под американскую юрисдикцию деятельность Джулиана Ассанжа и сотрудников «Викиликс», то я думаю, этот вопрос должен изучаться отдельно, что, собственно говоря, и происходит. Лично я не сомневаюсь, что их деятельность преступна.

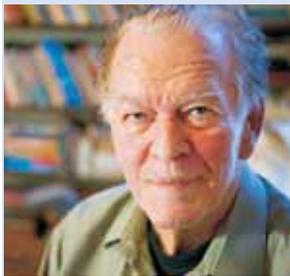
Публикации «Викиликс» негативно отразятся на американской дипломатии, как и на дипломатии любого государства, чьи дипломатические депеши и военные донесения стали достоянием общестественности. Если «Викиликс» не ответит по всей строгости закона, **многим может показаться, что такого рода деятельность ненаказуема и допустима, и у них тоже возникнет соблазн обнародовать известные им государственные секреты**.

Основателями «Викиликс» и теми, кто оказывал им финансовую и иную поддержку, двигали, прежде всего, антиамериканские на-

строения. Пока все размещенные на сайте документы нацелены против США, и я думаю, это вполне соотносится с информацией о связанных с «Викиликс» людях. Я рассматриваю «Викиликс» как антиамериканскую компанию.

В итоге иностранные правительственные чиновники, лидеры оппозиционных партий, диссиденты, религиозные, гражданские лидеры и ведущие бизнесмены теперь с неохотой будут общаться с американскими дипломатами, опасаясь разглашения подробностей конфиденциального общения. Едва ли кто-то захочет прочитать о себе в утренних газетах. А значит, **американские дипломаты, работающие за рубежом, смогут получать меньше ценной и правдивой информации**. Думаю, с течением времени ситуация нормализуется, но в краткосрочной и даже в среднесрочной перспективе американским дипломатам следует готовиться к тому, что их иностранные собеседники теперь будут взвешивать каждое слово, не будучи уверенными в том, что министерство иностранных дел США в состоянии хранить чьи-либо секреты. ■

К ФИЛОСОФИИ НЕНАСИЛИЯ

ДЖИН ШАРП – американский политолог, теоретик «техник» ненасильственного гражданского сопротивления. Основатель и старший научный сотрудник Института Альберта Эйнштейна в Бостоне, штат Массачусетс. Автор книг «Политика ненасильственного действия», «От диктатуры к демократии: концептуальная рамка для освобождения» Специально для Ярославской инициативы

Любое протестное движение уникально и отличается от других. Однако исследовательский подход позволяет обнаружить у разных протестных движений общие черты: а) гневное недовольство его участников на фоне уменьшения экономических льгот от государства и б) недопонимание, как следует действовать, чтобы выразить это недовольство.

Может показаться, что наиболее эффективная политика в отношении подобных групп – тотальный запрет. Однако это не так. Увеличение их численности не обязательно ведет к росту напряженности в обществе. Ведь проблема не в количестве протестных групп и институтов, а в том, какие действия они предпринимают. Многие из них полезны для государства – вот почему в случае конфликта властям следует действовать разумно, не прибегая к насилию. Проблемы возникают лишь тогда, когда взаимодействие подобных групп и государства невозможно и это приводит к хаосу и насилию. **Демократическому обществу только на пользу, когда в нем функционируют различные группы, действующие ненасильственными методами.**

Однако, к сожалению, не совсем честные политики подчас используют

протестные настроения определенных социальных групп, провоцируя насилие в обществе. Изучение ненасильственных методов протеста и способов их применения с учетом мнения всех граждан помогло бы искоренить эту проблему в будущем. Конфликты неизбежны. А применение насилия в политических целях – общепринятая практика. Тем не менее любой конфликт в демократическом обществе может быть разрешен мирным путем.

Человечество должно научиться использовать ненасильственные методы борьбы во благо развития мирового сообщества, перед которым сегодня стоят крайне конфликтные проблемы. Это и оружие массового уничтожения, и терроризм, и усиление диктатур и военных режимов, голод, военные операции, расизм, этнические предрассудки, недозволенные методы укрепления демократии и поддержания демократических систем. Едва ли можно ожидать, что эти проблемы решатся в ближайшие десять лет. Но именно в эти годы можно предпринять серьезные шаги, чтобы минимизировать эти проблемы и приблизить их окончательное разрешение. ■

ПСЫ С ГОРОДСКИХ ОКРАИН

Захар Прилепин

■ *В уходящем году по всей Европе прокатилась волна социальных бунтов, что-то похожее произошло в России 11 декабря 2010 года. Как вы полагаете, есть ли какая-то особенность в протестных выступлениях российской молодежи?*

Поскольку я живу не в Европе, а в России, то я поражен не европейской конспирологией, а конспирологией российской. И в силу этого мне порой кажется, что в Европе массовое волеизъявление граждан происходит чуть более стихийно, чем в нашей стране, где за самыми массовыми мероприятиями маячат те или иные политические фигуры. Кроме того, в Европе куда более значительна составляющая гражданского общества и гражданской солидарности, которая в России находится на минимальном уровне. Россияне более разобщены, чем европейцы, и до тех пор, пока проблема не касается каждого из нас лично, мы, как правило, не собираемся на совместные акции. Манежная площадь была исключением.

■ *А какая политика государства в ситуации молодежного бунта более эффективна?*

Если стоять на точке зрения государства, то **наиболее эффективной политикой была бы следующая: часть правых – скупить, какую-то часть фанатского движения – запугать.** Иными словами, всяческими силами нивелировать активность той молодежи, которая вышла на Манежную площадь. Но, реализуя подобные меры, власть будет бесконечно пролонгировать решение тех или иных совершенно очевидных и насущных вопросов, а значит, и продлевать проблему. А ведь от решения этих вопросов зависит будущее страны.

Один из наиболее важных из этих вопросов – вопрос национальный. Что греха таить, направляемые в кавказские республики федеральные сверхтранши, которые исчезают в неизвестном направлении, предоставление представителям многих диаспор возможности вводить колоссальные не облагаемые налогами средства в свои страны – все это вызывает недовольство большей части населения страны, и население требует от власти сделать хоть что-то. Однако для активных действий в этом направлении российской власти нужна революция сверху. Россия сейчас как раз находится на том этапе развития, когда антибюрократическая революция сверху ей, безусловно, необходима.

На Манежную площадь вышли футбольные фанаты. И важно понимать, почему они вышли. Они борются против бюрократии. Ведь бюрократия спортклубов, бюрократия спортивной сферы, чем она, по сути, принципиально отличается от бюрократии чиновничьей и политической? Она, так или иначе, всегда нацелена на сохранение своего положения,

ПСЫ С ГОРОДСКИХ ОКРАИН

Захар Прилепин

но не на разрешение проблем, от которых зависит само существование социума.

■ *Почему современная молодежь выбирает скандальные, эпатажные методы борьбы? Связано ли это с тем, что государство оставило молодежь без своего попечения?*

Я не думаю, что власть забыла о молодежи и молодежных политических движениях. Ситуация обратная. Например, недавно была организована встреча Владислава Юрьевича Суркова с представителями нескольких молодежных организаций. На этой встрече первый заместитель руководителя администрации президента порекомендовал активистам молодежных движений тренировать мозги и мускулы, поскольку они потребуются в ближайшее время. Это ясный сигнал к тому, что вскоре молодежные организации получат дополнительное финансирование.

Что касается молодежи, которая по объективным или субъективным причинам не вписывается в подобные политические проекты, то до нее как не было никому особого дела, так и нет. И эта часть молодежи, основная ее часть, живет, безусловно, либо в полной прострации, либо в ощущении отсутствия почвы под ногами. И Манежная площадь тому наиболее яркое доказательство. Казалось бы, кто может быть более лоялен власти, чем околофутбольная и футбольная молодежь? Ведь именно для нее власть добилась проведения в стране чемпионата мира по футболу. Но оказалось, что этого недостаточно. В понимании этой молодежи власть ведет себя не «по-пацански», она «кидает» своих, она не защищает своих, отпуская убийц футбольных фанатов. Эта молодежь не покупается на зрелища. Как пел «Чайф», это «псы с городских окраин», для которых понятие чести превыше всего.

■ *У государства сейчас нет никаких эффективных инструментов влияния на этих «псов с городских окраин»?*

В общении с этими группами может быть только один эффективный инструмент: государство должно объединить практику и риторику в единое целое. А в современной России эти вещи максимально отдалены друг от друга. Из телевизора каждый день раздаются славословия о том, что Россия встает с колен, а вокруг себя подростки ежедневно видят полностью противоположное тому, что слышат. Но эти подростки активны, они готовы действовать. Им нужно предложить большое реальное дело. Таким делом мог бы стать новый БАМ, новый Байконур, даже новый Беломорканал.

■ *Многие говорят, что в 2010 году произошел слом системной и несистемной оппозиции. Как вы полагаете, что может стать новой оппозицией нынешней власти?*

Я не знаком с подобными мнениями. Я знаю только одно: оппозиция как была несистемной, так ею и осталась. Когда-то она была связана с акциями ныне запрещенной «Национал-большевистской партии», сегодня она связана с деятельностью «Другой России». **Вся остальная оппозиция оппозицией именоваться не может по определению, потому что не может быть «системной» оппозиции.** То, что власть и сама так называемая системная оппозиция, совершенно не вникая в смысл этого словосочетания, повторяет его, — это все превращается в полный, просто вопиющий абсурд.

■ *С вашей точки зрения, какова главная проблема, которую «нулевые» передают «десятым»?*

Главное наследие «нулевых» — это максимальное упрощение и низведение к полуамебному виду

Захар Прилепин — российский писатель, филолог, журналист. Сопредседатель Гражданского Литературного Форума России. Автор произведений «Санька» (2006), «Ботинки, полные горячей водкой: пацанские рассказы» (2008)

любых интеллектуальных и культурных смыслов. Как следствие, выяснилось, что в России нет никакого общественного договора между властью и массой, между властью и интеллектуалами. Вместо него наличествуют те или иные симулякры в виде либо личных, достаточно бессмысленных, встреч, либо какого-то большого, хорошо отрежиссированного действия. Диалога между народом и властью нет, диалога между интеллектуалами и властью нет тем более. Само понятие интеллигенции совершенно обесмыслилось, потому что интеллигенции в современной России нет как таковой. Современная Россия ориентируется либо на людей, у которых есть миллион долларов, либо не ориентируется ни на кого. Это и есть то «наследство», с которым мы идем в «десятые» годы. ■

Беседовала Ксения Колкунова

МАНЕЖНАЯ ПЛОЩАДЬ И «ПОЛИТИКА МАСС»

Борис Кагарлицкий

Борис Кагарлицкий — социолог, журналист, публицист. Директор Института глобализации и социальных движений. Автор многих книг, среди которых «Политология революции» (2007), «Периферийная империя: циклы русской истории» (2009)

Социальный протест — это когда люди выступают в защиту или с требованием каких-то социальных прав. Какие социальные права требовали люди на Манежной площади? Никаких. Не было там и националистических лозунгов, только фашистские и черносотенные. Более того, назвать националистами людей, которые были на Манежной, значит очень им польстить. Национализм в России предполагает некое представление о том, что существует полиэтничная русская нация. А то, что происходило на Манежной, а потом на «Парке культуры» и «Киевской», можно сопоставить, скажем, с племенными волнениями в Кении или в Руанде, когда толпа, как правило, возбужденных алкоголем представителей одного племени идет бить таких же представителей другого племени. Никакого отношения к социальному протесту это не имеет. В лучшем случае можно говорить о некоторых проявлениях

социального разрушения, когда общество начинает распадаться как таковое. Кстати, подобного рода явления ставят вопрос о том, насколько вообще в России возможен социальный протест. Такие вещи происходят там, где нет общества. Если у нас люди руководствуются племенными инстинктами, то они, следовательно, *еще* или *уже* не способны к каким-то социальным действиям. Поэтому тут можно зафиксировать, безусловно, разложение общества и социальный кризис, но социального протеста как раз и нет.

Наличие социальных протестов абсолютно не означает, что западное общество здоровое, но в России мы наблюдаем разложение. Вопрос в том, насколько глубоко это разложение зашло, но это мы выясним впоследствии. Потому что мы видим только симптомы и еще не можем в полной мере оценить, как далеко зашла болезнь. Но опять-таки нельзя говорить, что выступления и драки, в которых участвовало в общей сложности со всех сторон 10 тысяч человек, для 140-миллионной страны масштабный симптом. Он масштабен лишь тем, что это происходило у Кремлевской стены при полном попустительстве властей. Строго говоря, эти столкновения нельзя назвать массовыми. **Только страна, которая отвыкла от массовой политики, может считать, что толпа в 5 тысяч человек — это масса.** Во Франции вышло 3 миллиона человек на улицу — вот это массовый протест! В Англии на demonstra-

ционного движения нет, и говорить о массовости этих фашистских акций можно только на фоне полного отсутствия массовой политики как таковой.

На Манежной площади было меньше людей, чем на «Русском марше». То есть никакой массовой мобилизации и распространения этого движения нет. Есть попустительство, и есть стремление прессы обсуждать именно это. И в этом смысле СМИ предельно эффективны. Драки и столкновения успешны не потому, что они массовые, что они пользуются поддержкой или представляют широкие народные слои, а только потому, что пресса в точности выполняет то, что ей положено выполнять по существующему сценарию. То есть она начинает обсуждать именно эти события: что власть допускает на Манежной площади погром, что не применяются жесткие, четкие и эффективные меры, как, скажем, к другим оппозиционным группам. Это отчасти справедливо, поскольку вышедшие на Манежную площадь люди не являются оппозицией, они не противники режима. Поэтому к ним соответственно несколько по-другому относятся. Но это не имеет никакого отношения к каким-то глубинным процессам в обществе. И когда спрашивают, что делать, я отвечаю: жить дальше. Жить дальше в соответствии с реальной повесткой дня, которая связана с социальным кризисом, экономическим упадком, с деградацией материально-технической базы рос-

Явления, подобные беспорядку на Манежной площади, ставят вопрос о том, насколько вообще в России возможен социальный протест

сии студентов, которая закончилась столкновением с полицией, собралось 50–60 тысяч человек, объединенных определенными, более или менее внятными, лозунгами и целями. А в России массо-

войской экономики и так далее. Вот реальные проблемы, которые есть и которые так или иначе придется решать. ■

Специально для Ярославской инициативы

КОНТРОЛЬ И ДОВЕРИЕ В ГОСУДАРСТВЕ

Джек Голдстоун

Джек Голдстоун – американский социолог и политолог, директор Центра изучения глобальной политики и профессор публичной политики Университета Джорджа Мэйсона, автор ряда монографий, в том числе «Революции конца XX века» (1991), «Тишина и голос в конкурентной политике» (2001), «Почему Европа? Подъем Запада в мировой истории, 1500–1850» (2008)

■ *Социальные бунты сотрясают Европу (Греция, Испания, Франция, Британия), а теперь и Россию. Есть ли у всех этих бунтов и волнений что-то общее?*

Эти бунты – протест против невыполнения социального договора: предыдущее поколение меньше платило за образование, получало более щедрые пенсии и стабильное увеличение заработной платы, оно не беспокоилось о безработице. Мы же, **работающие граждане, граждане, начинающие получать высшее образование, граждане, только выходящие на рынок труда, – мы теряем все эти преимущества или вообще никогда их не получаем.** Более того, это не представляется нам неизбежным, безличным социальным процессом (в отличие, например, от Японии, где молодое

поколение никогда не знало, что такое рост экономики или заработной платы).

Наши общества видят корень злоключений в ошибках жадных банкиров и коррумпированных или слабых государственных чиновников, которые сумели корыстно воспользоваться большей частью плодов недавнего экономического роста, оставив после себя ослабшую систему, которая сегодня уже не может соответствовать ожиданиям и требованиям современных рабочих и студентов. Сегодняшние протесты равнозначно направлены как против подобных предполагаемых злоупотреблений, так и против внедрения жестких мер экономии.

К сожалению, жесткие меры экономии неизбежны, глобальная экономика действительно оказалась под слишком тяжелым грузом долгов и обещаний работникам, которые были основаны на невыполнимых сценариях роста. Все эти долги уже не могут быть оплачены, все эти обещания уже не могут быть выполнены. Некоторые долги придется списывать, по другим же нужно будет расплачиваться. Новые капиталы для будущего роста будут создаваться в еще более жестких рабочих условиях. И все же **протесты населения прекратятся, если граждане поймут, что они могут доверять властям, которые открыто работают над справедливым решением этих проблем.** Однако, если граждане увидят, что их власти по-прежнему остаются слабыми, коррумпированными или заинтересованными в преследовании только собственных интересов, уверяю вас – накал протестов лишь возрастет. Ситуация только ухудшится, если граждане поймут, что бремя изменений взваливается большей частью на тех, у кого меньше всего возможностей справиться с ним.

■ *Расширение поля социального многообразия неизбежно приводит к обострению отношений между социальными группами: чем более*

сложное общество, тем больше противоречий. Какая политика государства в подобных ситуациях кажется вам наиболее эффективной?

Знаете, это не совсем верно. Большее число социальных групп способствует большей напряженности, но это же одновременно создает больше возможностей для сотрудничества, для изолирования проблем, волнующих ту или иную конкретную группу. Однако если 80 процентов граждан будут чувствовать, что им нужно больше работать за меньшие деньги, что поддержка государства ослабевает и что государство в ответе за допущенные промахи, то тогда в социальный протест будут вовлекаться все новые и новые социальные группы.

■ *Во всех социальных бунтах, о которых мы говорим, инициативу приписывают одной социальной группе, но часто бунтующей по факту оказывается другая. То есть многие люди готовы мимикрировать под протестующих (фанатов, студентов и т.д.). Означает ли эта социальная мимикрия, что возрастает спрос на насилие, а не на политику?*

Когда у многих групп есть повод для недовольства и когда они хотят протестовать против того, что им кажется несправедливым или возмутительным, большинство протестующих поначалу будут уважать грань между мирным протестом и жестокими проявлениями насилия. Но, как только кто-то пересечет эту грань (это могут быть анархисты, студенты или даже полицейские, которые начнут стрелять в демонстрантов), все остальные почувствуют это и последует эскалация насилия. Первоначальные вспышки жестокости одной социальной группы могут распространяться и на другие социальные группы до тех пор, **пока власти не докажут, что они в состоянии контролировать ситуацию и арестовать зачинщиков беспорядков.** ■

Беседовала Юлия Нетесова

МЫ НЕ ПОНИМАЕМ ПРИРОДУ ТЕРРОРИЗМА

Максим Шевченко

Максим Шевченко — публицист, телеведущий, член Общественной палаты РФ

Я бы просто не употреблял слово «терроризм». Оно мне кажется надуманным, излишним и чрезмерно обобщающим. В данном контексте оно столь же несправедливо употребляется, как и термин «враг народа». Что значит — терроризм? Почему, допустим, «Викиликс» — это террористический акт? Я бы сказал, что писания американских дипломатов гораздо более террористичны по сути, чем то, что сделал Джулиан Ассанж.

Мы говорим о терроризме так, будто это явление, упавшее с неба, или проявление человеческой психики. Наверное, есть психопаты, наверное, есть и метеоры, которые падают с неба. Но в основном терроризм порождается социально-экономическими причинами. В любой точке земного шара терроризм существует не как частная инициатива, но по причине экономического конфликта, или спора за территорию, или неправомерного применения правительством вооруженных сил против своих граждан, как это было в 1994 году в России. Мне представляется, что наш взгляд очень узок. Терроризма не стало меньше. Сколько людей погибло за этот год в Ираке и в Афга-

нистане? Сколько людей погибло в Палестине? Очень много, честное слово.

Терроризм я бы разделил на две части: исходящий от частных группировок или частных лиц и терроризм государственный. И государственного терроризма не стало меньше, он просто приобрел более изощренные формы и стал прикрываться более изощренными пиар-технологиями, которые представляют, допустим, бомбардировки мирного населения чуть ли не актами гуманизма и спасения этого же населения.

Что касается СМИ, в этом контексте они вообще никого не интересуют. **Удар по профанирующим СМИ нанес Джулиан Ассанж, и этот удар — не террористический. Это, скорее, восстановление справедливости и какой-то целостности нашего представления о мире.** Конечно, за Ассанжем могут скрываться какие-то пятые, шестые, десятые интересы, его могут использовать спецслужбы, его могут использовать масонские клубы, кто угодно. Но факт остается фактом. Недаром многие СМИ так уцепились за «Викиликс» и стали публиковать его сообщения, вбрасывая их в мир.

Собственно говоря, мы вообще не понимаем природу терроризма. Операции спецслужб мы иногда записываем в террористические операции, а акции действительных террористов записываем в политические операции. Нет целостной концепции.

Я лично решительно возражаю против слова «терроризм». **Есть вещи, которые мы называем террористическими актами, а терроризма как явления — нет.** Допустим, Беслан — это теракт. А борьба палестинского народа — это не терроризм и не теракт, это национально-освободительная борьба за свои права. Есть бесчеловечные акты, когда люди взрывают мирных жителей, как

взорвали дома в Москве или метро, — это теракты. А атака боевой силы противника — это не терроризм, а партизанские действия или борьба национально-освободительных движений, которые, конечно, могут и заблуждаться по своим конечным политическим целям.

Главная политическая проблема, которую «нулевые» передадут «десятым», — кризис легитимности либеральной власти. Либерализм и все избирательные процедуры теряют легитимность в глазах народа, и статус либеральных элит начинает все более поддерживаться только СМИ и пиар-технологиями. Сама идея демократии как некоей делегированной процедуры теряет свою значимость. Возникает вопрос: какое место в этом спектакле отводится людям, от имени которых, казалось бы, и должны бюрократический аппарат и избранные депутаты говорить? И самый главный вопрос — что есть власть? Лицемерие или реальная власть, которая действует во имя народа? Власть использует ресурсы в интересах так называемого развития, так называемой эффективности, а народ является помехой, поскольку народ — это издержки, социальная часть бюджета, сокращение денег на так называемую инновационную, модернизационную гонку, на гонку технологий. Демократия становится помехой.

Эта проблема носит тотальный характер. Она характерна, прежде всего, для мира, который объявил либеральную демократию центром своего мироощущения, для так называемого Запада. Те страны, в которых существует авторитарная система, Китай например, начинают выбиваться в лидеры за счет гораздо большей управляемости и гораздо большей доли социального распределения. ■

Записала Ксения Колкунова

ПЕРЕПРОДАЖА ТЕРРОРИЗМА

Иэн Лессер

Иэн Лессер — старший научный сотрудник Фонда Маршалла (Вашингтон, США). Возглавляет работу по средиземноморскому и турецкому направлению. Автор книг: «По ту сторону подозрения: пересмысливая отношения США-Турция» (2008), «Противостояние новому терроризму» (1999)

Основываясь на опыте столетий, даже не десятилетий, можно констатировать, что терроризм очень древний феномен. Он принимал разные формы в разных местах и в разное время. В начале прошлого столетия правительства и общества терроризировали анархисты. Еще несколько десятилетий назад самым популярным видом терроризма считалось похищение самолетов боевиками ООП. Именно тогда терроризм приобрел медийный аспект, который достиг своего пика во время атак 11 сентября 2001 года.

Сегодня мы живем во времена постмодернизма — в том, что касается отношений между СМИ и терроризмом. Мы по-прежнему видим, что определенные группы стремятся нанести как можно больший урон жизням людей, но также проявляется то, что я бы

назвал «перепродажей терроризма», которой занимаются отдельные люди, маленькие сетевые сообщества, у которых гораздо меньше возможностей, но атаки которых могут быть более частыми. Более того, эти группы приобрели возможность наносить вред людям, не убивая их, а воздействуя на их частную жизнь. Безусловно, **публичность для современного человека почти неизбежна — у всех есть телефоны с камерами, и каждый может сделать публичным себя и то, что происходит вокруг него. Но это же делает человека уязвимым для, например, кибертерроризма, который может быть даже более эффективным, чем традиционный терроризм.** И сайт «Викиликс» это с успехом доказал.

Безусловно, соблазн «слива» документов и информации из недр правительства был всегда и повсеместно силен с тех пор, как правительства стали засекречивать документы. В этом нет ничего нового. Правительства и общества и прежде встречались с подобными и даже более существенными «сливами». Но в данном случае имеет место столь массовый «слив» документов, что он поневоле вызывает интерес у широкой публики. Тут суть в сочетании доступа к информации, с одной стороны, и возможности быстро ее распространить без какого-либо контроля. В этом сочетании весь смысл.

Стоит обратить внимание на еще один факт. После атак 11 сентября наступило осознание того, что всякого рода информацию в рамках ответственного за безопасность бюрократического аппарата требовалось распространять более широко и эффективно. Это означало, что информация должна была свободно перемещаться между отделами, где кто-то мог бы распознать в ней что-то важное. Поэтому ею начали делиться между ведомствами. Как следствие, бы-

ли созданы сети, в которые получили доступ даже служащие низкого ранга. И вот один из этих служащих похитил документы и распространил их. А теперь представьте, если бы в Сеть выложили не низкопробные документы для служебного пользования, а что-либо более весомое.

Теперь правительствам придется либо смириться с возможностью подобного «слива», либо построить преграду на его пути. Однако очень трудно эффективно делиться информацией и при этом держать ее за непроницаемой стеной. И если правительства мира хотят сотрудничать, им придется примириться с возможностью повторения недавних событий. Поэтому пока можно констатировать, что долгосрочный эффект «Викиликс» будет гораздо меньшим, чем ожидается. Во всем этом и вправду нет ничего удивительного — ни информация, ни факт того, что это случилось. Это неминуемо должно было случиться и, конечно же, случилось в меньших масштабах каждый день. Сотрудничество в современном мире более важно, чем сохранение никому не интересных секретов. А перед миром стоят действительно серьезные проблемы. Во-первых, глобальный финансовый кризис, который еще не закончился и потенциально может принести еще много неприятных сюрпризов. Во-вторых, это проблема распространения ядерного оружия (Иран, Корея, Пакистан), все вопросы, связанные с распространением вооружений. В частности, чрезвычайно важно ратифицировать и выполнить все положения нового договора СНВ между США и Россией. Далее идет ряд вопросов, важнейшие из которых, здравоохранение и продовольственная безопасность, становятся актуальными повсюду. ■

Специально для Ярославской инициативы

ПРЯМАЯ И ЯВНАЯ УГРОЗА

Фред Бертон

Фред Бертон — вице-президент Стратфора по направлениям контртерроризм и корпоративная безопасность, один из ведущих мировых экспертов по вопросам безопасности, терроризма и террористических организаций. Работал специальным агентом в Дипломатической секретной службе США. Был нанят Вашингтоном для расследования обстоятельств убийства Ицхака Рабина, премьер-министра Израиля. Бывший заместитель начальника контртеррористического департамента Дипломатической секретной службы США

■ *В этом году мы столкнулись с новыми типами терроризма: информационный терроризм (Wikileaks), кибертерроризм (хакеры). Действительно ли мы наблюдаем трансформацию терроризма в современном мире?*

Я думаю, что **самая интересная тенденция — усиление терроризма, творимого простыми людьми.** Я имею в виду, например, попытку взорвать самолет, летевший в Детройт в прошлом году. Кроме

того, на территории США зрели и другие планы: была попытка взорвать рождественскую елку в Сиэтле, попытка взрыва Всемирного банка в Далласе, штат Техас. ФБР прекрасно поработало, предотвратив множество заговоров, которые формировались как раз представителями широких масс. Это уже не терроризм больших групп в духе «Аль-Каиды», а нечто совсем другое.

■ *Ясно, что медийный аспект терроризма исключительно важен сегодня. Согласитесь ли вы с тем, что СМИ «преображают» терроризм, формируют запрос на новые оригинальные формы терроризма, способные привлечь внимание общественности?*

СМИ во многих смыслах являются важнейшей целью террористических организаций, стремящихся добиться самого широкого освещения своих усилий на международной арене. Не обходят они своим вниманием и такие мелкие рынки реализации своих услуг, как Афганистан, Ирак, Африканский Рог и так далее. Но поймите: **невозможно пользоваться благами свободных СМИ и не привлекать внимание людей к случившемуся, в частности к террористическим актам.** Кроме того, будучи в прошлом контртеррористическим агентом, я знаю: высказывания, сделанные представителями разных террористических организаций, интервью с ними или даже с подозреваемыми в терроризме людьми, порой имеют огромную ценность, так как позволяют оценить опасность группы в целом.

■ *К сожалению, сегодня терроризм стал неотъемлемой частью нашей жизни. Как вы думаете, изменится ли эта ситуация в ближайшем будущем?*

Я не думаю, что угроза терроризма становится меньше. Взгляните на число разнообразных атак, совершаемых сегодня по всему миру. Кажется, ни одна страна не избежала этой участи в последнее время. Если посмотреть на Евросоюз с его открытыми границами и возможностью перемещаться туда-сюда, то у разведывательных служб на оперативном уровне возникает серьезная проблема: как держать под наблюдением лиц, все время перемещающихся через границу?

В мои времена ФСБ, КГБ никогда не сотрудничали с ЦРУ и ФБР в сфере борьбы с терроризмом. Сегодня же мы видим серьезные усилия, направленные на укрепление сотрудничества в этой сфере. Так что если проследить, какой путь мы уже прошли в плане обмена информацией об угрозах и подозрительных лицах, то, мне кажется, это замечательное достижение.

■ *А как вы смотрите на такой феномен, как информационный терроризм? Почему скандал с «Викиликс» случился сегодня, ведь с технической точки зрения это было возможно еще много лет назад — организовать «слив» документов в Интернет, предоставив их на всеобщее обозрение. Так почему же этого не случилось прежде? Почему именно сейчас?*

Во многих смыслах это, конечно, **катастрофическое событие для США.** Всем известно, что дипломаты обмениваются письмами, однако появление такого рода информации, напечатанной черным по белому, мягко говоря, вызывает определенный резонанс. Если попытаться понять, почему это случилось, если взглянуть на это в контексте глобальной борьбы с терроризмом, то случившееся — прямое следствие провала одного из звеньев

системы глобального контртеррористического действия. Это означает, что мы имеем недовольного армейского аналитика сравнительно низкого ранга, у которого есть доступ к огромному количеству информации. Он может нанести серьезный вред. Я думаю, суть проблемы «Викиликс» в том, как много людей может иметь доступ к информации. Ясно, что организация процесса была неудовлетворительной: почему у кого-то был доступ к такому количеству информации? Из этой истории можно извлечь множество уроков. К сожалению, в результате случившегося система снова откатится к прежним схемам строгого разделения между ведомствами с незначительным уровнем обмена информацией между ними.

■ *Дипломаты по всему миру отказываются использовать получившие огласку документы, и мы не видим никаких серьезных перемен в международных отношениях. Так к чему весь этот шум? Свершилась ли некая революция, о которой радостно тараторят в СМИ?*

Как я понимаю, за кулисами дипломатических кулуаров случившееся рассматривают как относительно важное событие. Если взглянуть на произошедшее с точки зрения работающих по всему миру американских дипломатов, то им приходится не сладко: нужно снова садиться за стол переговоров, прекрасно зная, что вся постыдная информация была опубликована. Им реально трудно делать свою работу. Потом, если взглянуть на это с чисто человеческой точки зрения... Например, вы сотрудник зарубежного ведомства в Москве, Омане или Саудовской Аравии или где бы то ни было еще. Отныне вы дважды подумаете над тем, что вы отправляете, опасаясь, как бы данная информация не была «слита».

■ *Через пару недель мы вступим в новое десятилетие. Какие политические проблемы «нулевые» передадут «десятым»?*

Будет интересно взглянуть на то, как будут развиваться события в Афганистане по мере того, как США будут уменьшать свое присутствие в этой стране. Я считаю, что мы недооцениваем важность разведанных по той части Африки, которая расположена южнее Сахары. В особенности меня тревожит угроза джихада в этом регионе. Кроме того, Европа по горло увязла в непростой проблеме наблюдения за возможными исламистами — ей просто не осилить такой объем работы. Я думаю, террористические акты, совершаемые простыми людьми, которые будут угрожать как внутреннему, так и международному авиационному сообщению США, никуда не денутся. Кроме того, «Аль-Каида» по-прежнему нацелена на авиалинии. Я не думаю, что эта угроза будет снята в ближайшем будущем. ■

Беседовала Юлия Нетесова

ШАНТАЖИРОВАТЬ МЕНЬШИНСТВОМ

СЕРГЕЙ МАРКОВ – политолог, публицист, депутат Государственной думы от фракции «Единая Россия». Профессор факультета политологии МГИМО (У), директор Института политических исследований
Специально для Ярославской инициативы

Терроризм становится все изощреннее, разнообразнее, а системы жизнеобеспечения человеческого общества — все более сложными и уязвимыми. Обилие новых форм терроризма связано с тем, что стремительно растут и все более радикализуются меньшинства. И терроризм воспринимается как одна из форм шантажа слабым меньшинством большинства.

Поэтому проблема защиты коммуникаций и системы жизнеобеспечения от малых радикальных групп, которые пытаются добиться какого-то решения в свою пользу, эта проблема будет обостряться. На сегодня государство не видит никаких способов решения, кроме банального — судить за терроризм. Думаю, надо искать другие способы. Нужно не защищать от террористов коммуникации, не хватать их и судить, — необходима активная оборона: нужно заходить в эти субкультуры и добиваться, чтобы там не побеждали радикальные люди.

У государства огромное количество легальных средств формирования субкультур. Например, сериалы способны порождать субкультуру, создавать стереотипы поведения, модели, мышление и так далее. Или административно-поли-

тический ресурс. Кому-то из представителей этих культур можно дать ресурсы, доступ на телеканалы, депутатские мандаты и так далее. Государство имеет колоссальную систему экспертов и может проанализировать с помощью своих гуманитариев ситуацию в субкультурах: «Вот субкультура металлистов не туда пошла. Надо ее скорректировать следующим образом...». **Интеллектуальное превосходство — вот что является важнейшим ресурсом государства, которое, к сожалению, практически им не пользуется.**

Позиция СМИ по отношению к терроризму амбивалентна или даже «тривалентна». С одной стороны, они заинтересованы в жутких новостях, но, с другой стороны, никто из журналистов не хочет быть взорван. Все они как граждане против терроризма. Кроме того, террористическое сообщество является очень закрытым. Для средств массовой информации значительно более выгодно, чтобы радикальные исламисты не сидели у себя в подполье, делая бомбы, а чтобы существовало несколько вариантов радикальных исламистов и они, вместо изготовления бомб, сидели бы в телевизоре и активно противоборствовали друг с другом. ■

ИГОЛКИ ДЛЯ ВЛАСТИ

МАКСИМ КОНОНЕНКО – российский журналист и публицист, популярный блогер. Автор политико-сатирического проекта «Владимир Владимирович. Ру», а также романа «День отличника» (2008), высмеивающего российские либеральные политические круги

Специально для Ярославской инициативы

Оппозиция, даже если называется несистемной, на самом деле давно уже системная и составляет такую же неотъемлемую часть политического ландшафта, как и парламентские оппозиционные партии. Традиционная оппозиция в этом году сделала еще одну попытку сгруппироваться. Еще рано говорить о ее успешности или неуспешности, но мне кажется, что время упущено. Пока эти люди договаривались, появились новые лидеры, которые гораздо интереснее и к которым, собственно, обращена публика. Это, например, Чирикова или Навальный. Они пока не выказывают политических амбиций, но мне кажется, их заставят стать политическими лидерами. И они в этом качестве значительно привлекательнее, чем опостылевшие Немцов, Милов и даже Яшин, который еще год назад, в общем, был человеком достаточно перспективным.

Мы имели дело с теми же, с кем и десять лет назад. Это тоскливо, и люди просто перестали обращать на них внимание. Но существование оппозиции, безусловно, тонизирует власть. Должны происходить такие вещи, как история с «Транснефтью». **Потому что, если не тыкать в государственную машину**

иглой, она, разумеется, будет окаменевать.

Появились новые лидеры общественных движений, которые научились разговаривать с современным обществом на том языке, который этому обществу приятен и понятен. Важны не идеи: где этот Химкинский лес находится, никто и не знает. Интересны люди. Если бы разоблачениями занимался другой человек, а не Навальный, это не имело бы такого резонанса.

Личная харизма сама по себе не вызывает доверия. Виктор Степанович Черномырдин был очень харизматичным человеком, но в качестве публичного политика, я думаю, он бы получил ноль. На него было прикольно посмотреть, но идти за ним не хотелось. В новых лидерах, мне кажется, важнее то, что они единственные нашли нужные слова. Среди огромного количества людей, которые пытались разговаривать с обществом за последние годы, оно выбрало двух, которые ему нравятся. Так же мы научились со временем на «Евровидении» выступать – путем долгих ошибок. Может быть, на их примере будут учиться и их копировать. Посмотрим, будет ли это работать. ■

НАЧНЕТСЯ БУРЛЕНИЕ

ЕВГЕНИЯ ЧИРИКОВА – российский эколог, активист, лидер Движения в защиту химкинского леса

Специально для Ярославской инициативы

Главная проблема России – коррупция. Она все сильнее сажает нас на ресурсную иглу. Любое цивилизованное общество своей целью использование не ресурсов, а своего мозга для производства чего-то полезного – того, что действительно улучшает жизнь.

Экономика ресурса, если проводить грубую аналогию, напоминает проституцию. Ясно, что проституцией может заниматься каждый из нас, а может немного потренировать мозг и все-таки работать головой. Наше государство, к сожалению, сейчас уподобилось этим несчастным девочкам, выбравшим «легкий путь». Вместо того чтобы зарабатывать головой, мы зарабатываем совершенно другими «частями тела» – ресурсами. Это обидно, ведь наш потенциал тает с каждым днем.

Дальше система государственной власти будет пожирать все больше и больше ресурсов: по-другому она просто не может. Таких движений, как «Химкинский лес», будет все больше. Это движение обычных граждан, которые поняли, что сложившаяся система просто пришла за их ресурсом. **Для нас лес – это природа, а для государства – ресурс.** А если

таких движений будет все больше, то будет больше и оппозиционеров.

Едва ли общественные движения заменят оппозицию или сольются с ней. Движение защитников химкинского леса не причисляет себя ни к либеральной, ни к системной оппозиции. Мы – люди с совершенно разными взглядами, в том числе и не с либеральными (среди нас есть даже монархисты). Пока мы существуем как явление абсолютно отдельное. Но в какой-то момент общественные и политические движения объединятся. В Европе общественные движения уже цивилизованно перешли на рельсы политической борьбы. Что будет в нашей стране, сложно сказать. Но все начнет каким-то образом бурлить.

Недавние события на Манежной площади – один из примеров такого бурления. Но бунты в Москве даже сравнивать нельзя с европейскими. В Брюсселе мы шли в колонне за климатическую справедливость, нас было 10 тысяч человек: это абсолютно другие лица! Во-первых, там нет националистических лозунгов – это просто неприлично. Во-вторых, в основном это средний класс, интеллигенция, а это – другая возрастная категория. ■

Или стагнация, или плюрализм

Герхард Манготт

Герхард Манготт — австрийский политолог и эксперт в области Восточной Европы и России. С 2003 года — профессор политологии в университете Инсбрука. Член Австрийского общества политологии (АОП), научный советник Общества имени Пола Лазарсфельда (Вена)

■ Существует точка зрения, что в 2010 году наступил окончательный кризис системной и несистемной оппозиции. Согласны ли вы с этим тезисом? Что именно происходит с российской оппозицией?

Если говорить о состоянии российской оппозиции, то тут все обстоит следующим образом. Обычно государства борются с оппозиционерами четырьмя методами. Первый — препятствование появлению оппозиционных движений в СМИ. Для этого требуется государственный контроль над основными холдингами. Второе — дискредитация ключевых фигур оппозиционного движения. Третий — подавление и наказание любой оппозиции посредством репрессий, для чего необходим строгий контроль над правоохранительными органами. И четвертый — выдергивание ключевых фигур из круга оппозиционеров и предоставление

им важных мест в правительстве. На мой взгляд, российский правящий класс использует все четыре «опции», время от времени варьируя и смешивая их.

Однако, в дополнение к запретам сверху, **российской оппозиции все еще не хватает харизматичного и спланированного лидера, база поддержки все еще невелика, общественная среда незначительна и еле заметна за пределами крупных городов.** Кроме того, делаемый оппозицией акцент на гражданские и политические права не отвечает запросам граждан, которых беспокоит, прежде всего, работа и возможность обеспечить для себя удовлетворительное существование.

■ В принципе, в условиях демократии любая власть нуждается в оппозиции, в том числе и российская. Должна ли власть, используя свои легальные институты, вмешиваться в процесс складывания оппозиции?

Либеральные демократии, основанные на неотчуждаемых правах человека и гражданина, кроме всего прочего гарантируют свободу мнений и объединений. Принцип верховенства закона обеспечивает справедливое пространство для высказывания и взращивания идей. В задачи вышестоящей элиты никоим образом не входит поощрение или даже создание диссидентских партий или организаций. Одновременно правящие силы не должны принимать решения, в итоге могущие привести к запрету свободы самовыражения и собраний. **Задача правящего класса не вдохновлять, но и не препятствовать политической оппозиции.** Идея, согласно которой вышестоящая элита должна формировать собственную оппозицию, — это дикая и надуманная идея, нацеленная на манипулирование. Само ее существование свидетельствует об извращенной логике политической конкуренции в свободном обществе.

■ Центром партийной системы России является «Единая Россия». К ней предъявляется ряд претензий: президент говорит о том, что она «забронзовела»; Владимир Плигин утверждает, что партия, возможно, в ближайшем будущем разделится на несколько частей. Может ли «Единая Россия» стать источником будущих оппозиционных сил?

Если бы «Единая Россия» была партией с четкой политической платформой, такое могло бы произойти. Однако «Единая Россия» не политическая партия, а организация, в которой собраны официальные лица как федерального, так и регионального уровня. **Это сеть государственных чиновников и одновременно чрезвычайно успешное средство для реализации решений российского правительства.** «Единая Россия» — основа пополнения правящей элиты и способ сделать карьеру. Однако это не партия, которая может сама по себе вырабатывать политические стратегии и идеи. Поэтому «Единая Россия» не разделится, хотя, конечно, может быть разделена, если изменится состав правящей элиты в результате внутренней борьбы и появления новых лидеров.

■ Какую главную российскую политическую проблему «нулевые» передают «десятым»?

Главной задачей следующих лет будет создание и содействие оппозиционным движениям и клубам. Авторитарный и централизованный контроль над политической общественностью должен быть снят, пусть и постепенно. Перемены в сторону более либеральной власти рискованны, не просты и длительны. Они могут высвободить силы дестабилизации, но они неизбежны, если политическое и гражданское общество России намерено преуспеть в обозримом будущем. Без политического плюрализма определяющей характеристикой российской политики может стать термин «стагнация». ■

Беседовала Юлия Нетесова

О ВОЗМОЖНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ОППОЗИЦИИ

Дэвид Уайт

Дэвид Уайт – научный сотрудник Центра изучения России и Восточной Европы Бирмингемского университета (Великобритания). Автор книги «Российская демократическая партия «Яблоко»: оппозиция в управляемой демократии» (2006)

В 2010 году оппозиция в России впервые с 2003 года подняла голову. Но это отнюдь не системная оппозиция, о которой все привыкли говорить. Это оппозиция несистемная. Могу с уверенностью констатировать, что в современной российской оппозиции происходят определенные сдвиги. Оппозиционные силы пытаются объединиться. А этого в России не происходило уже в течение достаточно длительного периода времени.

Лидеры российских оппозиционных сил даже решились на создание новой партии, которая будет называться «Партия народной свободы». Инициаторами ее создания стали Немцов, Касьянов, Милов и Рыжков. Пока слишком рано говорить, получится ли что-либо из данной попытки. Но не думаю, что эта партия станет достаточно сильной, чтобы соперничать с правящей

партией в ходе парламентских выборов 2011 года. С моей точки зрения, лидеры «Партии народной свободы» хотят специально использовать этот новый политический проект, чтобы продемонстрировать отсутствие эффективных выборов в России. Тем не менее у оппозиционных движений в России сегодня есть больше оснований для оптимизма, чем, например, в прошлом году или два года назад.

На фоне активности несистемной оппозиции то, что до сих пор называется системной оппозицией, потеряло всю свою оппозиционность.

Обратной стороной подобного вмешательства власти в дела оппозиции могут стать неконтролируемые протестные движения, подобные тем, что произошли на Манежной площади 11 декабря 2010 года. По моему мнению, эти акции стали следствием негласной поддержки Кремля различных националистических организаций. Не думаю, что эти протестанты представляют какое-либо политическое движение. Тем не менее Кремль, поощряя деятельность таких групп в прошлом, позволил им выйти из-под контроля. Тем самым он создал серьезную внутривластную проблему.

Государство не должно брать на себя роль организатора молодежных движений. В западных демократических странах этого не происходит. Молодежь на Западе

Кремлю. В случае необходимости «Наши» смогут что-то сделать для поддержки режима. По крайней мере, в отличие от оппозиционного движения «Стратегия-31», которое в конце октября смогло вывести на улицы всего лишь около двух тысяч сторонников, «Наши» в начале ноября привели на улицы Москвы около 40 тысяч человек, которые отпраздновали День национального единства шествием по улицам столицы.

В задачи государственной власти не входит ни реализация молодежной политики, ни создание оппозиции. Более того, власть просто не способна создать ответственное оппозиционное движение. Создание Общественной палаты было примером того, как государство, считающее, что гражданское общество в России недостаточно оформлено, взяло на себя обязанность по созданию института, якобы призванного представлять интересы гражданского общества. Однако гражданское общество не создается таким образом. А любые попытки подобного рода не более чем профанация. **По тем же причинам, почему государство не может создать себе противовес в виде гражданского общества, власть не может создать себе противовес в виде сильной оппозиционной партии.** Такая партия должна уходить своими корнями в общество и поддерживать с ним определенный контакт.

У оппозиционных движений в России сегодня есть больше оснований для оптимизма, чем в прошлом году

сама определяет, что ей нужно. В России же власть берет на себя задачу реализации некоей молодежной политики. Но пока поощряются только молодежные движения, которые лояльны

Мне могут возразить, приведя пример «Справедливой России», которая была создана как системная оппозиционная партия. Однако сошлюсь на свой личный опыт. Когда месяц назад я посе-

тил Москву и в ходе визита встретился с некоторыми функционерами этой партии, я спросил у них, считают ли они себя членами оппозиционной партии. Они ответили утвердительно. Затем я спросил у них, означает ли это, что они находятся в оппозиции по отношению к премьер-министру и к президенту. Они ответили, что их партия находится в оппозиции только к партии «Единая Россия». Но ведь оппозиция не ставит себе таких целей. То, чем занимается «Справедливая Россия», — это лишь попытка бросить вызов правящей партии, чтобы добиться для себя определенных привилегий со стороны президента и премьер-министра.

Президент Медведев очень много говорит о политической либерализации и о необходимости освобождения пространства для оппозиции. **Господин Медведев, безусловно, стремится к демократизации российского общества, а действенная оппозиция — это неотъемлемый компонент демократического государства.** Но у меня вызывает большие сомнения понимание Дмитрием Медведевым того, что действительно нужно сделать, чтобы процесс формирования оппозиционных партий был успешным. А ведь для этого нужно совсем немного. Нужно всего лишь дать возможность политическим партиям честно соревноваться друг с другом на выборах. Всегда должна существовать альтернатива правящей партии, а в современной России такой альтернативы не наблюдается.

Если у нынешней российской власти действительно есть желание породить оппозицию, ей необходимо обратиться к правящей элите. Большинство авторитарных или полуавторитарных режимов, — а я классифицирую российский режим как «электорально-авторитарный», — обычно терпят поражение вовсе не из-за внешнего давления со стороны оппозиционных движений, а из-за трений ведущих игроков внутри самой власти. В России это пока не кажется очевидным, однако, при ухудшении экономической ситуации напряженность внутри правящей российской элиты может дойти до критического уровня. И тогда может появиться настоящая оппозиция, и создадут ее люди из окружения президента и премьер-министра.

Своеобразным катализатором этого процесса вполне может стать борьба с коррупцией. Ведь коррупция — это та проблема, которая должна быть решена до того, как россияне смогут приступить к демократизации страны, о которой много говорит Дмитрий Медведев. Без решения проблемы коррупции дальнейшее развитие России невозможно. Но сейчас коррупция пронизывает все российское общество, а не только политическую жизнь страны. Она настолько глубоко проникла в российский социум, что я даже не уверен, что у президента Медведева есть инструменты, необходимые для борьбы с нею: слишком много людей кровно заинтересованы в сохранении статус-кво. Но вследствие этого может оказаться под угрозой сам проект модернизации страны, предложенный президентом России. ■

Специально для Ярославской инициативы

ЗАТИШЬЕ НА ФОНЕ ПОДЗЕМНЫХ ДВИЖЕНИЙ

БЕН ЖУДА — сотрудник Европейского совета по международным отношениям. В прошлом — репортер «Рейтерс» в Москве. Автор статей для изданий «The Financial Times», «The Economist», «Prospect», «Foreign Policy»
Специально для Ярославской инициативы

Я считаю, что в 2010 году оппозиция стала более активной при обсуждении различных вопросов. При этом нельзя сказать, чтобы либеральная оппозиция как политическая сила стала сильнее. Протесты движения «Стратегия 31» достигли лишь умеренного успеха, они не обрели большой популярности у рядовых граждан. Но все же данная стратегия стала своего рода маяком для СМИ как в России, так и за рубежом. Это огромный PR-успех, привлекающий внимание к репрессивным действиям государства.

Что касается протестов озлобленных молодых людей, то этот процесс представляется мне очень интересным. В течение длительного времени в России замалчивалась возникшая демографическая проблема. В стране смертность значительно превышала рождаемость, поэтому были открыты границы с Южным Кавказом и с Центральной Азией, откуда в Россию на заработки устремились многие местные жители. При массовой иммиграции в обществе классовая борьба зачастую замещается этническим противостоянием, и это станет отчетливо ясно, если попытаться понять, почему эти молодые люди вышли на улицы Москвы.

Владельцы строительных компаний, работающих в Москве и в Московской области, стремятся нанимать работников с Южного Кавказа и из Центральной Азии, чтобы

им не нужно было соблюдать российское законодательство, чтобы они могли выплачивать гораздо меньшие зарплаты и обращаться с рабочими, как с рабами. И это несмотря на то, что в Москве и в Московской области очень много безработных русских, которые могут работать только на стройках. Все это создает определенную вражду и напряженность.

Что касается формирования оппозиции из различных клубов партии «Единая Россия», то я не думаю, что сегодня это возможно. Впрочем, определенные подвижки в этом направлении намечаются. **Внутри российской элиты очень много людей, которые просто подыгрывают существующей политической системе в своих личных интересах, на самом деле оставаясь равнодушными к ее идеологии.** Думаю, что формирование новых оппозиционных партий в России будет возможно после ухода с политической арены некоторых действующих лидеров и после возникновения определенного раскола на самом вершине политического Олимпа. В такой ситуации будет предпринята попытка воспользоваться уже существующими политическими ресурсами, такими как партия «Единая Россия». Пока что я не вижу, чтобы многие члены этой партии действительно болели за общее дело. Думаю, это придет лишь со временем. ■

ОБЩЕСТВО СТРАХА

Ульрих Бек

Ульрих Бек – германский социолог и политический философ, профессор Мюнхенского университета и Лондонской школы экономики; автор концепций «рефлексивной модернизации» и «общества риска». Автор книг: «Общество риска» (1998, рус. издание 2000), «Что такое глобализация?» (1999, рус. издание 2001)

■ *В своих работах вы писали о том, что в современном обществе страх вытеснил нужду в качестве основополагающего фактора. Как именно страх трансформирует наше общество и в особенности наше демократическое государство, а также существующие внутри него взаимоотношения?*

Здесь мне хотелось бы отметить одно различие. Даже не знаю, как его и назвать. В немецком языке у нас существуют два термина, *Angst* и *Furcht*. Я не знаю, как точно перевести их на другие языки, однако *Angst* соотносится, прежде всего, с вашей житейской ситуацией: появление этого чувства зависит от вашего экономического положения, от угроз насилия, исходящих по отношению к вам от других людей, и тому по-

добное. *Angst* означает, что вам нужно немедленно отреагировать на вызовы реальности. *Furcht* означает нечто иное. Это понятие означает обеспокоенность экзистенциальными проблемами, но не только вашими личными – речь вполне может идти о благе всей нации или всего человечества.

■ *Какой из этих типов страха относится к взаимоотношениям человека с государством, а какой из них касается политики и общества?*

Думаю, что оба эти типа страха. В этом-то все и дело. Иногда бывает непросто их различить, но **по возможным политическим последствиям эти два типа страха стоят отдельно.** Повторюсь, что *Angst* относится к личной жизни человека, к его экономическому положению, ко всем угрозам, которым только может подвергаться семья – экономические угрозы, отравленная еда – все, что угодно. При этом вы обязаны незамедлительно реагировать на такие ситуации. Часто эта реакция носит иррациональный характер: человек пытается решить возникшие проблемы, концентрируясь на собственной жизни и на своих экономических трудностях. Конечно, в существующем обществе это часто может быть использовано для повышения популярности каких-либо поли-

они предлагают рецепты быстрых решений возникающих проблем.

Вместе с этим, сталкиваясь с такими проблемами как изменение климата, общество осознает долгосрочные риски и реагирует уже по-другому. Здесь уже царство *Furcht*, так как речь идет не о жизни одного конкретного человека, а, возможно, о жизни будущих поколений, и не только в контексте одного государства, а на глобальном уровне. Таким образом, находит отражение обеспокоенность граждан своим будущим, иногда эта обеспокоенность принимает организованный характер и озвучивается различными политическими партиями и движениями.

■ *А как соотносятся страх и глобализация? Страх – это препятствие на пути глобализации или же, напротив, это положительный фактор, который может способствовать глобализации государств или обществ?*

Мне кажется, что многое зависит от того, что вы подразумеваете под глобализацией. По моему мнению, сегодня многие люди воспринимают глобализацию как некую угрозу. Они чувствуют себя в опасности: различным угрозам подвергается их образ жизни, их мировосприятие, их привычные способы действий. Внезапно люди оказываются

Ожидание глобальных катастроф – мощный мобилирующий фактор, который сильнее государственных границ

тических движений. Эти политические движения часто оказываются популистскими и правыми, стремящимися сделать нацию базовым элементом политики,

один на один с проблемой глобального масштаба. Например, они замечают, что финансовые риски, зародившиеся в другой стране, может быть даже на дру-

гом континенте, вдруг коснулись и их.

То же касается и рынка труда, и вообще экономики. Внезапно человек понимает, насколько взаимосвязан наш мир, насколько сильно колеблется его понимание экономики и суверенитета. Думаю, что эта угроза нависла над большей частью жителей планеты и, следовательно, **возникают серьезные предпосылки для развития движений, выступающих против глобализации и встающих на путь борьбы с ней.** В результате вырастают новые стены непонимания, во главу угла ставятся локальные и национальные приоритеты. Одновременно с этим мы сталкиваемся и с такими поистине глобальными рисками, как изменение климата. Перед нами встают проблемы, вызванные глобальным финансовым кризисом.

На другом уровне глобальный характер носит и террористическая угроза. Если рассматривать социологическую логику этих рисков, опять-таки нужно понимать определенные различия. Суть этих глобальных рисков — не сама катастрофа, а скорее ожидание катастрофы, которая может наступить в будущем, и которую необходимо предотвратить. Следовательно, **ожидание глобальных катастроф — это мощный мобилирующий фактор, который сильнее государственных границ.** Именно он заставляет правительства, партии, союзы и гражданские общества разных стран взаимодействовать и сотрудничать друг с другом.

В определенном смысле эти глобальные риски резко повышают космополитизм во многих странах мира. Сотрудничай или проиграешь — таков девиз сегодняшнего дня. Чтобы продвигаться вперед, изыскать требуемые решения, которые невозможно найти ни на местном, ни на общенациональном уровне, человек должен иметь доступ ко всему миру, налаживать глобальное сотрудничество, может быть даже создавать с людьми из других стран совместные учрежде-

ния, призванные решать эти глобальные проблемы. Последний пример — многонациональной инициативы, девиз которой «Сотрудничай или проиграешь», это саммит представителей государств «Большой двадцатки», в ходе которого были предприняты попытки найти решения многих транснациональных проблем.

■ *Как вы думаете, правильно ли говорить о том, что СМИ злоупотребляют нашей восприимчивостью к страху? Они не только усиливают ощущение страха среди граждан, но иногда даже искусственно создают ранее не существовавшие страхи.*

Думаю, что эта проблема существует, потому что описание рисков и всевозможных катастроф значительно повышает рейтинги и доходы средств массовой информации. Чем больше различных катастроф вы затронете, тем большее вам обеспечено внимание со стороны читателей и широкой публики. На самом деле, между описанием различных катастроф и СМИ существует очень прочная, практически неразрывная связь. У нас действительно появляется ощущение, что катастрофы подстерегают нас буквально на каждом углу, хотя на самом деле мы живем в мире, в котором войны и катастрофы случаются гораздо реже, чем в прошлом.

Думаю, что моя мысль будет еще более понятной, если мы рассмотрим вероятность возникновения террористической угрозы. Мне кажется, что движение «Аль-Каида» в определенном смысле заняло столь важное место в современном мире, потому что оно было названо президентом Джорджем Бушем «врагом номер один» США в XXI веке. То есть по степени опасности **Бен Ладен был сравнен с нацистской угрозой во время Второй мировой войны и с последующей коммунистической угрозой.** За счет этого признания, а также за счет активного освещения в СМИ всего того, что касается терроризма, эти террористические угрозы полу-

чили свое развитие и смогли укрепиться как на социальном, так и на политическом уровне.

■ *Как, на ваш взгляд, соотносятся страх и религиозность? Ведь долгое время считалось, что одна из причин секуляризации — это наука, которая помогла современному человеку преодолеть жизненные беспокойства и страхи по поводу здоровья, безопасности и т.д. Если мы утверждаем, что наше общество по-прежнему исполнено страхом, следует ли ожидать нового всплеска религиозности?*

Думаю, что ожидание того, что чем усиленнее проводить модернизацию, тем менее религиозным будет общество (это основа теории секуляризации), попросту является ошибочным. Во многих уголках мира, даже в Европе, наблюдается не то, чтобы возрождение религии, но определенное повышение уровня религиозности населения. Отчасти это связано с тем, что один из принципов неолиберализма, господствующего в нашем мире, заключается в том, что человек получает основополагающие политические, гражданские и социальные права, но вместе с этим на него ложится ответственность не только за свои собственные действия и за их возможные последствия, но и за системные проблемы, такие как безработица.

В определенном смысле **даже за глобальные риски человеку приходится отвечать на индивидуальном уровне.** Ввиду этого продолжающегося процесса глобализации все верования и религии, дающие свои ответы на вызовы современности, обретают новую значимость. Думаю, что возрождение переживают не только основные мировые религии, но и различные смешанные течения, затрагивающие религиозность или религиозные чувства человека, поскольку они дают свои готовые ответы на угрозы, возникающие в результате глобализации и индивидуализации. ■

Беседовала Юлия Нетесова

ЖИТЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Норберт Больц

НОРБЕРТ БОЛЬЦ – профессор, заведующий кафедрой изучения средств массовой информации в Берлинском техническом университете. Автор книги «Азбука медиа» (русское издание – 2011 год)

Среди чиновников и государственных деятелей все более популярным становится использование сетевых средств общения с собственным народом – блоги, твиттер. Использование

новейших средств коммуникации никоим образом не влияет на качество работы государственных деятелей, ни упрощая ее, ни помогая им более эффективно выполнять свои обязанности. Блоги и твиттеры служат политикам для самопрезентации в Интернете, как инструмент политического маркетинга.

В то же время наличие доступа к новым коммуникационным технологиям дает им возможность остаться во власти. Ведь за последние несколько лет изменились представления об Интернете. Он превратился из машины для обработки информации в форум политического участия. И это вполне соответствует духу времени: демократии Запада находятся в состоянии кризиса, а Восток освобождается от деспотизма. Мы живем воистину в революционные времена!

Более того, фактически мы становимся свидетелями заката представительной демократии. Парламентская система уже неубедительна для граждан. Появляется все больше инициатив, направленных в сторону «непосредственной» демократии: люди

хотят сами принимать решения. И, как следствие, общество сталкивается с новыми опасностями. Наиболее страшная из них – новое классовое расслоение, расслоение на «программируемых» и «программирующих».

Старые законы более не действуют, и история с «Викиликс» наиболее яркое тому подтверждение. Она показала, что интернет-культура несовместима с законами и институтами XIX века. Теперь политики и юристы могут заниматься регулированием потока информации только постфактум, и это безнадежные попытки. Современное общество стоит перед главной дилеммой: принять тот факт, что государства и корпорации не могут функционировать без соблюдения «корпоративных» тайн, или вместе с Интернетом выступать за тотальную прозрачность, превращая преступление, как в случае с «Викиликс», в героический поступок. И от выбора, которое сделает общество, будет зависеть облик мира, в котором нам придется жить. ■

Специально для Ярославской инициативы

Больц Н. Азбука медиа. Москва, Издательство «Европа», 2011. – 136 с.

В книге рассмотрены основные аспекты внутренней организации и социального бытования современных медиа. Охвачен чрезвычайно широкий круг медиа – от прессы, телевидения (и связанных с ними процессов общественного мнения) до компьютера, мультимедиа и робототехники. В центре внимания – цифровые медиа, которые рассматриваются в единстве их технической (в том числе военно-технической), математической, коммуникационно-теоретической, а также социальной, моральной, гуманитарно-психологической и менеджериально-экономической сторон.

Автор – профессор Технического университета Берлина. Книга задумана как азбука прежде всего для студентов, обучающихся по медийным специальностям. Также она рассчитана на всех, кого интересует место компьютера в мире человека, так же как и место человека в новом дигитальном мире.

Выпускающий редактор:
Дмитрий Узланер
Ответственный секретарь:
Валентина Быкова

Дизайн:
Сергей Ильницкий
Верстка:
Глеб Шуклин

Над выпуском работали
Константин Аршин, Ксения Колкунова,
Юлия Нетесова
Директор проекта: Александр Шпунт